
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ

ХОЗЯЙСТВОВАНИЕ КАК ПРОЦЕСС ОТВЕТСТВЕННОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ ГЛУБИННОГО ЦЕННОСТНО-ЗНАНИЕВОГО ПЕРВОНАЧАЛА ЧЕЛОВЕКА

ЗАДОРЖНЫЙ Григорий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, академик Академии философии хозяйства (Россия), академик Международной кадровой академии, заместитель декана экономического факультета, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

КОЛИНЬКО Ольга Григорьевна, кандидат экономических наук, старший преподаватель, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

*Опасность же – в обманах и самообманах,
на грани мира обступающих путника.
П. А. Флоренский*

*Никто из «нобелей» мира сего не знает, что есть и что происходит,
никто ничего не понимает в событийных потоках. Все прежние методы
мысли, дела, технологии, власти не работают.
Н. Б. Шулевский*

*Антиреальность зла возникает тогда, когда дьявол –
с согласия греховной воли человека – отщепляет мир
явлений от духовной сущности и создает самозванное квазибытие,
направляющее нас ко лжи, к метафизической пустоте, к аду.
М. А. Румянцев*

Открыть духовные очи для постижения хозяйства – задача методологического обновления современной экономической науки

Заглавный вопрос наступившего века «Быть или не быть... человечеству?», поставленный Великим Мудрецом Никитой Моисеевым в конце века минувшего, сегодня как бы уже и перестал существовать среди ученых и политических деятелей. Во всяком случае, о нем говорят все меньше и меньше. Узость неоклассического мейнстримского (не)научного мышления зашкаливает, но именно в его формате ответ не может быть найден по определению. В основании этого формата – не человек с его целокупным хозяйством, а прибыль, ее рост любыми способами, прежде всего античеловечными. Но проблема выживания рода человеческого никуда не делась: она негласно лишь обостряется в период нарастания *непонимания*, непонимания того, что «прогресс грозит свести на нет ту самую цель, которую он призван реализовать, – идею человека»¹. И в этом теперь уже

¹ Хоркхаймер Макс. Затмение разума. К критике инструментального разума. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 6.

замалчиваемом «прогнесе» «весь ум современных элит уходит на коррупцию, мошенничество, легитимизацию беззакония, безумия, пороков. Сил на осмысливание себя, своего долга, inferнальных вызовов миру, России и власти вообще у них уже нет»². Модернизация и глобализация, реформы с трансформациями превратились в процесс *катастрофизации*, влекущий мир и человека к черной дыре ничто(жения). Суета сует повседневной, *обыденной кризисности* стала уже своеобразным привычным, но мало теоретически проясненным убежищем для переставшего думать полу(пост)человека. Паразитичность сиюминутного потребности-успеха затмила «белый свет», вменила двуногим сознание монстра, *подающего будущее* своих детей. ЧЕЛО-ВЕК – лицо, обращенное к вечности, смывается, как писал Фуко, прибрежным приливом.

Но... «Мыслящие единицы, преданные истине, видят этот порочный круг грехооукливания современных элит, видят, что безумцы идут в пропасть вслед за своими безумными поводырями»³, а потому и бьют в набат, веря, что небольшой *шанс спасения* ЧЕЛО-ВЕКА все же еще *есть*. И способность к его отысканию-пониманию заложена изначально в сознании каждого, в *личностном начале*, в духовной свободе к творчеству жизни как той предзаданной задаче-миссии, в(к) которой сам человек сотворен «по образу и подобию». И наука это стала уже понемногу понимать, ибо заявила о необходимости взаимодействия научного знания с *внеаучным* для постижения *внутреннего духовного мира человека* как главного объекта исследований науки в новом веке. И приоткрылась дверь к такому пониманию не только квантовой физикой, космологией, генетикой и трансперсональной психологией, но, что более существенно и сущностно, – метаметодологией: *философией хозяйства*. «Философия хозяйства – более руководство к знанию, чем мемориальный знаниевый комплекс. Вот почему философия хозяйства – *возможность целостного видения, отражения и отображения трансцендентно обусловленного мира, его динамики и судьбы, с учетом, на основе и через призму действующего в нем творческого субъекта*. Не так нужно знать философию хозяйства, как быть в ней, причем не одним только умом, а всем работающим в ее направлении сознанием, включая подсознание и сверхсознание, а для этого не так познавать философию хозяйства надо, как осознавать ее, чтобы войти в нее, принять, да не как-нибудь, а необычайным усилием своего собственного осознаниенного нутра»⁴. А «осознаниенное нутро» – *личность*, ее духовная глубина и свобода, ее творческие способности и возможности, ее взаимосвязь с макрокосмом, где *синкретичность*⁵ вечна, а вечность синкретична.

Серьезное духовно-научное осмысление проблем современного человеческого хозяйства и хозяйствования неизбежно предполагает углубление мышления к тем метафизическим и онтологическим основаниям человеческой личности и целостной ее деятельности, которые не под силу механико-материалистической, целерациональной науке. Мир *духовный*, в котором задается, формируется, становится и самореализуется глубинная природа чело-века как личности, не может быть исследован при помощи традиционных, преимущественно исходящих из физики, методов анализа, применяемых к раскрытию тайн материи. Сам дух, духовность – субстанция идеальная, связанная с первосинкретичностью, которая первично «оплодотворяет» все существующее и потенциальное, но и пронизывает-развертывается в неисчислимом множестве форм действительности. Человек, благодаря своему дару сознания (включая пред- и сверхсознание) и способности его интуитивного

² Шулевский Н.Б. Софийный горизонт бытия // София. Сто лет русской философии хозяйства. – М.: ТЕИС, 2012. – С. 44.

³ Там же.

⁴ Осипов Ю.М. Предисловие // София. Сто лет русской философии хозяйства. – М.: ТЕИС, 2012. – С. 5.

⁵ См.: Колинко О.Г. Самореализация человека в хозяйственной деятельности как многомерность реализации синкретичности (методологические аспекты) // Социальная экономика, 2012, № 4.

подключения к Сознанию Вселенной, может «открывать» определенные реалии мира духа, но объять его полностью рационалистическим мышлением не способен. Между тем, истинная реальность и «проживает» именно в сфере духа, который «летает, где хочет» и «творит, что хочет».

В сфере экономической деятельности, если пытаться говорить «нормальным(?)» языком, это проявляется в том, что разрабатываемые человеческим рациональным мышлением, пытающимся «оптимизировать выбор», реформы, как правило, приводят к совершенно иным результатам, чем были задуманы в целепредположении. И, видимо, основная причина такого повсеместного несовпадения кроется в том, что создаваемая человеком действительность и истинная реальность как духовный ноумен – весьма различные «явления». Человек может в каких-то моментах приблизиться к пониманию отдельных аспектов реальности, но в силу вмененного себе концепта свободного «выбора», который всецело находится на поверхностно-примитивных уровнях мировидения, «отходит» от критериев реальности и создает искусственную действительность, в которой изначальная синкретичность «вынужденно», как бы насильно, про-является в пре(из)вращенных формах обыденного бытия. Но чтобы понимать это и пытаться приблизиться к реальности, человеку нужно в каждой точке своего самопознания и самореализации весьма усиленно *духовно постигать* синкретичную реальность, саморазвивать свою внутреннюю способность видения, прежде всего, *духовными очами*, ориентирующими и указывающими путь и *очам телесным*. Анализируя специфику и новизну мировоззрения И. В. Гете, Р. Штейнер через все свое исследование четко проводит мысль (в которой и раскрывается суть миропостижения И. В. Гете) о том, что «существует разница между видением и видением, что духовные очи должны действовать в постоянной живой связи с телесными очами, ибо иначе грозит опасность смотреть и все же глядеть мимо»⁶.

Более развернуто содержание этого метода миропостижения Р. Штейнер описывает следующими словами: Гете «пришел к глубоким прозрениям в существо живого. Его способность позволять духовному зрению действовать в постоянном живом союзе с телесными глазами делала для него возможным созерцать единую чувственно-сверхчувственную сущность, пронизывающую все органическое развитие, и познавать эту сущность даже там, где один орган образуется из другого и через это преобразование скрывает, отрицает свое родство, свое тождество с предшествовавшим органом, и изменяется как в своем предназначении, так и в своем строении до такой степени, что больше невозможно установить ничего подобного по внешним признакам. Видение телесными глазами сообщает познание чувственного и материального; видение духовными очами приводит к созерцанию процессов в человеческом сознании, к наблюдению мира мыслей, мира чувств и мира воли; живой союз между духовными и телесными очами делает возможным познание органического, которое как чувственно-сверхчувственный элемент располагается посередине между чисто чувственным и чисто духовным»⁷.

Об этом методе постижения реальности писал и П. Флоренский, но другими словами: «В моем мировоззрении физического как такового, т. е. вне его пронизанности духовными и оккультными энергиями, вовсе не существует, и я полагаю, что не магическое надо объяснять физическими причинами, но напротив, так называемое или кажущееся профанам физическим подлежит объяснению через магические силы»⁸.

⁶ Штейнер Р. Мировоззрение Гете. – Санкт-Петербург: Деметра, 2011. – С. 130.

При этом следует указать, что учение о видении духовными очами пришло к нам из дрейней Византии и от отцов Церкви средневековой Европы (см.: Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. – Киев: Общество любителей православной литературы, Издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2006, с. 327).

⁷ Штейнер Р. Мировоззрение Гете. – Санкт-Петербург: Деметра, 2011. – С. 134-135.

⁸ Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – С. 258.

В современной философии хозяйства этот метод постижения применительно к пониманию экономического раскрыл Ю.М. Осипов, когда показал, что в самом экономическом нет ни грана материального вещества и понять то, что происходит в действительном экономическом процессе, можно лишь обратившись к идеальному: «...в самой что ни на есть экономической хозяйственной реальности многое, – и как выясняется – очень многое, если не основное и главное, – экономическим вовсе не является», ибо «экономический мир сам по себе – совершенно *идеальный мир*, это мир *идеальной субстанции*... мир идеальных элементов и параметров... все собственно экономическое – *идеально!*»⁹. Но традиционное экономическое мышление не может понимать этого, ибо *духовные очи*¹⁰ современных экономистов еще не открылись полностью. Между тем само мышление человека, включая и научное, «только тогда на высоте, когда оно способно подниматься от конкретно-чувственного к крылатому и интуитивно насыщенному отвлечению, сосредоточиваться на *духовных* содержаниях, пребывать в них, созерцать их и познавать их»¹¹.

Видение духовными очами было присуще мыслителям серебряного века русской культуры, которое в современный период почти всеобщего непонимания забыто, не востребовано даже теми, кто делает робкие попытки целостного постижения хозяйственного устройства действительности. Но если в советскую эпоху их книги были недоступны большинству ученых, то теперь они издаются, но в современных публикациях крайне мало свидетельств их творческого осмысления и развития. Видимо, виной тому являются две причины. Во-первых, почти всеобщее *подражательство* заморскому упрощенно-схематическому концептному мышлению, которое не направлено на понимание сущностного уровня мироустройства. Во-вторых, *общее падение-разложение высокой методологической культуры*, не позволяющее столь просто, как подражать, осваивать глубинные духовно-содержательные пласты творческого наследия мыслителей конца XIX – первой половины XX века. Вымывание из современного исследовательского поля *глубинной духовной природы личности*, при все еще встречающемся в текстах слове-симулякре «личность» наряду с агентами, акторами, дивидами, дельцами, мало что дает в продуктивном плане миропостижения.

Это понимали даже отдельные западные исследователи, которые пытались акцентировать внимание на необходимости обращения к личностному анализу. «Американская культура, – писал Роберт Линд, – если она хочет творчески развиваться через *личности* тех, кто живет ею, должна определить и встроить в свою структуру ряд целей, обладающих значительной эвокативной силой и выражающих *глубокие личностные* потребности большой массы людей. Вряд ли можно говорить о том, что теологии, эсхатологии и другим хорошо известным аспектам христианства не может быть места в

⁹ Осипов Ю.М. Что есть экономика вообще и что она есть сегодня // Экономическая теория: истоки и перспективы. – М.: ТАИС, 2006. – С. 931, 936.

¹⁰ *Начало* видения духовными очами присуще, по-видимому, каждому человеку, особенно ученому, но люди, как правило, не обращают на это внимания. Начало такого видения происходит тогда, когда человек через наблюдаемые явления учится видеть и видит *ненаблюдаемое*, и потом из этого ненаблюдаемого ему становится понятнее (он иначе понимает) то, что наблюдает. «И можно утверждать, что без обращения к эмпирически неухватываемому элементу мы не понимаем решающих вещей в нашей жизни и в жизни общества и истории» (Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012, с. 17). Однако здесь мы делаем ударение именно на *начале* видения, а дальнейший процесс развертывания видения духовными очами связан с сознательными целенаправленными усилиями по углубленному *самопознаванию личности*, когда в сознании последней раскрываются *истинно духовные глубины ее внутреннего мира*.

¹¹ Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. – М.: , 2007. – С. 154-155.

такой действующей системе. Именно *науке* – науке, которая *включает* в область своего интереса *человеческие ценности*, – предстоит помочь в поиске содержания и способов выражения таких стремлений. Отказывая же в этой помощи, наука становится партнером тех людей, которые поддерживают обветшалые религиозные формы ввиду отсутствия каких либо других»¹² (выделено нами – Г. З., О. К.). Здесь, на наш взгляд, следует обратить внимание на три существенных момента. Во-первых, Р. Линд совершенно справедливо еще в 30-е годы XX века пытался обращаться именно к *личности* и ее глубинам, без чего, по его мнению, не может творчески развиваться американская (как, впрочем, и любая другая – *авт.*) культура. Во-вторых, сама *наука* им рассматривается не как *нейтральная* в ценностном плане, но как *включающая в область своего интереса человеческие ценности*. В-третьих, хотя и несколько иносказательно, но он признает *ценность христианства*, которое *впервые* явило миру понимание *личности*, ее глубинных ценностей, и указывает на то, что эти ценности – в более общем плане – *человеческие* должны становиться областью *научного* исследования.

В этом плане вряд ли можно полностью согласиться с М. Хоркхаймером, который критиковал данное положение Р. Линда. Он писал: «Та истина, которую религия стремится донести, скомпроментирована ее прагматической установкой. Если люди заговорили о религиозной надежде и отчаянии в терминах «глубоких личностных потребностей», эмоционально богатых общих чувств или научно проверяемых человеческих ценностей, – это значит, что религия потеряла для них свой смысл»¹³. Нам представляется, что М. Хоркхаймер явно *упрощал* ситуацию, ибо попытался свести религию к ее *прагматической* установке, что свидетельствует о его размышлениях на совершенно другом – *поверхностном* уровне понимания проблемы. Глубинные личностные потребности (правильнее – мотивы) вовсе не сводятся к прагматическим установкам. Именно обращение к личностным основаниям, где заключена сама сущностная природа человека, его предназначение и совесть, дар *истинно свободной творческой миссии личности* в этом мире, свидетельствует о том, что человек, разочаровавшись в поверхностной прагматической обыденности, вновь обращается к религии, где ищет смысл своего существования. Впрочем, и сам М. Хоркхаймер ниже по тексту призывает отойти от привычки видеть в идеологиях прошлого (по всей видимости, в идеологию здесь он включает и религию) только глупость и обман, ибо «социологическое и психологическое объяснение убеждений, распространенных в более ранние эпохи, далеко не равнозначно их философскому осуждению и подавлению. Даже лишившись власти, которой они обладали в свое время, они могли бы способствовать прояснению современного развития человечества. В этой функции философия стала бы памятью и совестью человечества и тем самым помогла бы уберечь его от жребия жильца приюта, обреченного на бессмысленный досуг»¹⁴.

Но американская культура XX века, а следовательно и наука как ее составляющая, не пошла по пути развертывания личностной методологии, а стала «барахтаться» в более поверхностном и упрощенном *методологизме индивидуализма*, сводившем индивида к понятию социального атома, а потому представшего в лучшем случае «оптикой» первого приближения, дающей лишь весьма «грубые эскизы» самобытных экономических субъектов. Этому во многом способствовал *протестантизм*, сформировавший особый массовый американский дух того, что отражается в так называемой массовой американской культуре. Американская толпа, как свидетельствует прот. А. Шмеман¹⁵, отличается «*безличностью*».

¹² Knowledge for Wha. – Princeton, 1939. – P. 239.

¹³ Хоркхаймер Макс. Затмение разума. К критике инструментального разума. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 212.

¹⁴ Там же. – С. 212-213.

¹⁵ Протопресвитер Александр Шмеман был деканом Свято-Владимирской семинарии (США), которая под его руководством стала одной из наиболее крупных богословских школ православного мира; являлся почти бессменным секретарем Совета епископов

«Конечно, толпа, «средний человек» всегда и всюду безличны, но в Европе за каждым человеком чувствуется «тайна», она как бы просвечивает в выражении его лица, в походке, во всем. И вот именно *этой тайны не чувствуется в американце*. Мне кажется, что он ее панически боится, не хочет ее, убивает в себе. И что вся американская цивилизация направлена на то, чтобы помочь человеку в этом. Она вся построена и действует так, чтобы человек никогда, по возможности, с этой *тайной не встретился лицом к лицу*»¹⁶ (выделено нами – Г. З., О. К.). Каждый из американцев репрессирует в себе эту тайну, от чего появился американский невроз и так расцвели психология, психоанализ, психотерапия, помогающие страстному желанию «тайну» свести к закону природы, к таблице умножения, классифицировать и тем самым «разрядить» ее.

Американец «тайну» «научно выбалтывает». Науке он благодарен прежде всего за то, что она дает ему готовое объяснение, освобождение от *искания* (которое и есть в человеке выражение его соотношения с заключенной, живущей в нем «тайной»)… американец глубок, как и все люди, только, в отличие от других, он *не хочет* глубины, боится ее и ненавидит ее»¹⁷. Поэтому страх перед тайной и приоткрытием ее сущности, потребность *не встретиться* с самой тайной жизни диктуют единственный способ сделать их «не страшными» – ввести их в *обряд*, сделать их «повторяемостью».

Отсюда, как пишет А. Шмеман, американская цивилизация, американская жизнь насквозь религиозны, но в очень глубоком смысле, в смысле мира **до христианства**, мира, не освобожденного от природной «сакральности», противоположной христианскому «сакраментализму». «Сакральность – это совсем не ощущение *божественности* мира, а, наоборот, – его *демоничности*, не радости, а страха, не приятия, а бегства. Это система «табу», при помощи которой человек полагает между собой и жизнью (и это значит – между собой и своей «тайной») некую непроницаемую преграду, фильтр, фильтрующий жизнь и не допускающий «тайну». И в этом смысле – пуританское прошлое Америки и ее антипуританское настоящее на глубине – явления того же порядка. Отвержение, снятие одного «табу» есть всего лишь замена его другим «табу»»¹⁸.

Но слово «табу» в силу своей старомодности заменено новомодным словом «институт». И суть здесь открывается вполне понятная: институты (нормы¹⁹ – в неоинституциональной трактовке) получают такое широкое распространение там, где

Американской Митрополии, проповедником и богословом. Здесь мы намеренно повторяем часть уже опубликованного нами текста, ибо содержательное понимание его должно стать своеобразной прививкой для отечественных подражателей тому, в чем они из-за своей умственной лености не хотят разбираться.

¹⁶ Шмеман А., прот. Дневники. 1973-1983. 3-е изд. – М.: Русский путь, 2009. – С. 242.

¹⁷ Там же. – С. 242-243.

¹⁸ Там же. – С. 244.

¹⁹ Норма вообще связана с ограниченностью опыта и тиранией «средне-нормального сознания». Н. Бердяев писал по этому поводу, что «люди ограниченного опыта *гордятся своей ограниченностью* и возводят эту *ограниченность в норму*. Создается *тирания* «средне-нормального сознания», границы которого отождествляются с границами человеческой природы вообще. «Средне-нормальное сознание» нашего времени *отрицает духовный опыт*, отрицает возможность чудесного, отрицает всякую мистику. Даже в религиозную жизнь проникает «средне-нормальное сознание» и утверждает там свой позитивизм. «Средне-нормальное сознание» есть сознание *природного* человека, есть укрепление природного мира, как *единственной* реальности, и есть *отрицание духовного человека, духовного мира, духовного опыта*. Это есть *мецанское сознание этого мира*, самодовление и *самоуверение, ощущающее себя господином* положения в этом мире» (Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999, с. 46-47) (выделено нами – Г. З., О. К.).

необходима *постоянная* замена «табу»²⁰, а **не** живые проявления сущности жизни, истоки которых находятся в *глубине личности*, откуда идут самобытность и творчество²¹.

С другой стороны, не следует забывать, что специфика *протестантизма* заключается в *уничтожении эсхатологии христианства*, а тем самым он «входит» в зону отвержения проблемы *одухотворения*. «Мир сотворен как общение с Богом, как восхождение к Богу, сотворен для одухотворения, но он не есть «бог» и потому и одухотворение есть всегда также и преодоление мира, освобождение от него. Мир, таким образом, есть «таинство». Роковая ошибка протестантизма в том, что, справедливо восстав против «имманентизации» христианства в средневековом католичестве, он отверг «таинство», не только религию как грех и падение, но и «религиозность» самого творения. Церковь есть совокупность «спасенных», но спасенных «индивидуально» (я спасен!), так что их спасение ничего не означает для мира, ничего в нем не «творит», не есть *спасение мира*, совершающееся в спасении каждого человека»²². Спасение «в себе», без отнесенности к «миру», есть *отречение от космологии*, ее отрицание, а тем самым протестантизм отрывается и от эсхатологии.

И эта специфика протестантизма, которая, с одной стороны, *спасенность* индивидуализирует, в том смысле, что делает ее «личным» спасением; а с другой стороны, *опустошает* спасенность от всякого «космического» и «эсхатологического» содержания, делает человека *предельно одиноким*, оторванным, отъединенным от мира, от истории, от Царства Божия. И в результате Церковь становится *сектой*, где спасение от одиночества происходит парадоксальным образом – *ценой полного растворения личности* в «секте», в «культе» спасителя – лидера, который руководит борьбой за индивидуальное спасение, требуя от всех *отдать свою волю ему*²³. В этом заложены *корни законничества*, которое неизбежно оборачивается *искажениями духовной жизни*, тем, что на арену выходит *социальная детерминация, социальное насилие, внешнее принуждение* как процесс *социальной объективации*, вменения-приспособления к обыденности.

При этом социальная объективация, представленная в ракурсе *принуждения и насилия*, исходит из «хочу», в угождение которому современный человек пытается преобразовывать реальность, создавая действительность. «Пафос нового человека – избавиться от всякой реальности, чтобы «хочу» законодательствовало вновь строящейся действительностью, фантазмагоричной, хотя и заключенной в разграфленные клетки», ибо для него «действительность существует лишь тогда и поскольку, когда и поскольку наука *соблаговолит* разрешить ей существовать, выдав свое разрешение в виде сочиненной схемы, схема же эта должна быть решением юридического казуса, почему данное явление может считаться всецело входящим в заготовленное разграфление жизни и потому допустимым»²⁴.

Но вся суть в том, что выдаваемые наукой *схемы* означают не просто упрощение жизни, а предстают войною с жизнью, *искажающей* саму жизнь как реальность, ибо «ни математические формулы, ни механические модели не устраняют реальности самого явления, но стоят наряду с нею, при ней и ради нее. Объяснение хочет снять самое явление,

²⁰ Даже культ *новизны* в американской цивилизации становится частью *обряда*, может быть, даже его питательной силой (Шмеман А., прот. Дневники. 1973-1983. 3-е изд. – М.: Русский путь, 2009, с. 243).

²¹ В данном аспекте, который является фундаментальным, и именно из него должно исходить мышление-осмысливание, весьма важно понимать, что «на уровне творения вообще нет законов, что закон всегда на *втором* плане»; «на уровне творения нет законов, *ничто не творится по законам*» (Мамардашвили М. Картезианские размышления. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1999, с. 43, 48) (выделено нами – Г. З., О. К.).

²² Шмеман А., прот. Дневники. 1973-1983. 3-е изд. – М.: Русский путь, 2009. – С. 443.

²³ См.: Там же. – С. 444.

²⁴ Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – С. 44-45.

растворить его реальность в тех силах и сущностях, которые оно подставляет вместо объясняемого»²⁵. Схемы научного мышления, отрицающие в своем основании и природу, и человека (его внутренний духовный мир), ибо служат *поверхностным хотениям* (без попытки войти в свою тайну) нового человека – по существу *дивида*, в конечном итоге завершились *формальным провозглашением прав* человека, ориентированных прежде всего на *ближайшие средства* их осуществления и удовлетворения. Отсюда и возникает столь вездесуще-модный «институт» как *поверхностная норма насилия социальной объективации* (именно в таком весьма примитивном, в отличие от *классического институционализма*, понимании *неоинституционализм* употребляет слово «институт», хотя когда оно прицепляется ко *всему* наблюдаемому и иллюзорному, то и это примитивное понимание симулякрится и выхолащивается), которой *безразлична* внутренняя духовная природа человека.

Между тем «духовная жизнь не есть исполнение правил, законов, норм, не есть послушание «общему», общеобязательному, признанному нормальным. Духовная жизнь есть *внутренняя борьба, испытание свободы*, столкновение противоположных начал, она предполагает противоречие, сопротивление, отрицание, в ней есть трагическое начало. Новая духовность есть *очищение духовности от инородных ей начал*, от приспособления к социальной обыденности, к *средне-нормальному сознанию*»²⁶ (выделено нами – Г. З., О. К.). Поэтому «проблема человека, т. е. проблема личности, *первичнее* проблемы общества. *Ошибочны* все *социологические* учения о человеке, они знают лишь *поверхностный объективированный слой* в человеке. Лишь извне с социологической точки зрения личность представляется подчиненной частью общества и при том очень малой частью по сравнению с массивностью общества. Но *подлинное* учение о человеке-личности может построить лишь *экзистенциальная философия*, а не философия социологическая, как не философия биологическая. *Личность есть субъект*, а не объект среди объектов, и она вкоренена во *внутреннем плане* существования, т. е. в мире *духовном*, в мире *свободы*»²⁷.

Проблема ответственности в спасительном хозяйствоведении

Извне мною полученное, взятое мною из сокровищницы народного языка, чужое творчество, в моем пользовании оно заново творится мною, снова и снова становясь in statu nascendi, всякий раз свежее и обновленное.

П. Флоренский

Если в ключе *личностной методологии* рассматривать проблему поверхностного штампа-вменения оптимального выбора, то неизбежно выходишь на проблему *свободы и ответственности* как *двуединую* проблему глубинной *синкретичности*, которая в процессе *объективации* разрывается и в современном экономическом сознании предстает в весьма упрощенно-поверхностном виде. Этот *разрыв* является в том, что свобода, прежде всего экономическая, как правило, рассматривается *вне* своей связи с *ответственностью* и задает поверхностно-схематичный концепт «свободного выбора». Правда в последние годы проблема, прежде всего, *социальной ответственности*²⁸ стала актуализироваться под

²⁵ Там же. – С. 103.

²⁶ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. – С. 268.

²⁷ Там же. – С. 182.

²⁸ Здесь следует обратить внимание читателей на фундаментальную монографию «Соціальна відповідальність: теорія і практика розвитку: монографія / [А. М. Колот, О. А. Грішнова та ін.]; за наук. ред. д-ра екон. наук, проф. А. М. Колота. – К.: КНЕУ, 2012», в которой впервые в отечественной социально-экономической литературе реализован комплексный научный подход к исследованию социальной ответственности в современных условиях.

действием *внешних* для человека обстоятельств: углубляющегося экологического кризиса, потери устойчивости экономического развития, быстрого нарастания угроз и рисков самому существованию человечества. Но пытаться понять проблему ответственности только исходя из этих аспектов – значит пытаться разглядеть только «вершину айсберга», что подвластно телесному взору при закрытых духовных очах. Открыть же их можно при помощи обращения к тем *творческим прозрениям*, которые *уже* однажды *были* сделаны русскими религиозно-философскими мыслителями.

Однако и здесь человека ожидает некая ловушка, представшая своеобразным главным итогом XX века, на которую указал М. Мамардашвили: он сводится к особому *сопротивлению человека пониманию*, закреплению специфической ситуации того, что многие открытые, понятые и сообщенные кем-то существенные для человека *истины* современным человеком *не понимаются*, а самой знаменитой фразой века стала: «А я не знал!»²⁹. Непонимание жизнеустроительных хозяйственных истин, *уже имеющих* в арсенале человеческого знания, породило беспрецедентную ситуацию не индивидуальной, но *профессиональной некомпетентности* (П. Фейерабенд), когда «*безграмотность* не только не осуждается, напротив, она служит *знаком профессионального превосходства*. Ее не просто терпят, *ее требуют*»³⁰ (выделено нами – Г. З., О. К.).

В этой ситуации происходит *разрыв цепи понимания* и передачи последующему поколению уже открытых хозяйственных истин, а это уже *стратегическая* проблема будущего как самого человека, общества, так и Природы. И вот здесь всплывает одна из наиболее фундаментальных проблем-оснований бытия человека – проблема его *ответственности* перед собой и миром за свою (без)деятельность в русле житнетворения как возможного дления жизни человека *человечного*. Проблема эта явно *метафизического* плана, но если учесть, что «все законы природы являются статистическим усреднением взаимодействия вещества с самим собой. Часть этих взаимодействий является объектом человеческого сознания и является самим человеческим сознанием. *Разгадать тайны природы вещей*, тайны явлений *нельзя односторонне*, отдельно проблемы *физики* и отдельно проблемы *психики*, так как они являются *разными сторонами* той же самой вещи, также тайны и, по-видимому, *неделимы*»³¹ (выделено нами – Г. З., О. К.), то тем самым сама наука для своего дальнейшего развития вынуждена «входить», сопрягаться с «полем» метафизики. «Истинная физика та, которая когда-либо сумеет включить всестороннего человека в цельное представление о мире»³². И этот «вход» в «истинную физику» *уже зафиксирован* Фрэнсисом Коллинзом, руководителем международного научного коллектива, расшифровавшего геном человека, ведущего американского генетика, физика по первому образованию, в следующем выводе: «*Геном написан на языке Бога* – том самом, с помощью которого Бог вызвал из небытия жизнь. Изучая этот главнейший из всех биологических текстов, я чувствовал великое благоговение. Да, конечно, он написан на языке, который мы понимаем очень слабо, и нам понадобятся десятилетия, а может быть, и века, чтобы в нем разобраться, и все же мы *перешли через мост*, вступив в *совершенно новую область*»³³ (выделено нами – Г. З., О. К.).

²⁹ Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 385.

³⁰ Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – С. 260, 287.

³¹ Роберт Орос ди Бартини – советский авиаконструктор, физик-теоретик, философ. Статьи по физике и философии. – М.: «самообразование», 2009. – С. 194.

³² Тейяр де Шарден П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 142.

³³ Коллинз Ф. Доказательства Бога: Аргументы ученого. – М.: Альпина нон-фикшн, 2008. – С. 99.

Язык Бога – это язык духовно-нравственного возвышения человека. Именно посредством этого языка вспоминается-открывается то, что изначально заложено в саму природу человека, который «по образу и подобию». И в этом языке началами-первоосновами предстают слова, не требующие иных оснований: совесть, честь, ответственность, долг. Их все люди понимают, хотя дать их какое-то четкое лаконичное определение весьма затруднительно. Но их специфика состоит в том, что они проявляются-реализуются *только в деяниях* человека. Говорение о них мало что определяет в реальности, ибо здесь важно именно деяние-поступок, посредством которого полностью реализуется то, что скрывается за этими словами, будучи само по себе абсолютным, ни с чем не соотносимым. Не может быть полусовести, получести, полуответственности, полудолга. Но, с другой стороны, видимо, можно говорить о том, что честь, ответственность и долг неким метафизическим образом снимаются в совести и ею же «управляются», ибо она отсвечивается в них, пронизывает их, как бы оплодотворяя их для *нового рождения* в *каждом отдельном поступке* человека. Совесть здесь понимается как со-Весть, как изначальная предданная, предзаложенная Весть, предопределяющая душу человека как ценностно-смысловую квинтэссенцию его жизнедеятельности.

И это не просто рассуждения-догадки, ибо результаты многочисленных экспериментов, выполненных в Институте клинической и экспериментальной медицины при Сибирском отделении РАН, позволили академику В.П. Казначееву обосновать вывод, что «живое вещество (Душа) *сначала* проектирует себя в виде *голографического полевого образа* и на основании именно этого образа строит свое конкретное земное биохимическое тело. Значит, есть две стороны жизни. И *первая* – та, *полевая, голографическая сторона*»³⁴ (выделено нами – Г. З., О. К.). Академик П.П. Горяев с коллегами экспериментально доказал, что такая *голограмма* возникает еще *до появления* на свет *целостного* организма, т. е., грубо говоря, информация, приходящая *извне* по отношению к эмбриону, заставляет его хромосомы создавать определенный *волновой образ-голограмму*, которая «диктует делящимся клеткам, когда и куда должны расти ноги, руки, голова. Волновой образ заполняется материей, подобно тому, как литейная форма заполняется литьем». По сути тем самым практически подтверждена одна из самых красивых библейских легенд о непорочном зачатии: кто-то должен был направить волновые голограммы, заставившие простые молекулы собраться в более сложные, вплоть до белков, ДНК и РНК и далее в сложный организм³⁵.

Именно в этом информационно-волновом голографическом образе еще до рождения в свернутом виде заложен ценностно-смысловой континуум, охватывающий до 95-97 % внутренней информации молекулы ДНК, которую до открытий волнового образа-голограммы сами генетики называли «генетическим мусором». Теперь же проясняется, что данный «мусор» представляет мемы (культурные «гены») и *уны* (человечные «гены»), которые синкретично в волновом образе связаны с генами биологическими, и через духовную и социальную ипостаси единой глубинной внутренней природы человека «формируют» и «воспроизводят» его целостность как необходимое условие человеческой жизнедеятельности.

Ответственность «родом» из мемо-уных предначал и относится к пласту фундаментальнейших спасительных начал-оснований человеческой жизнедеятельности. Это положение весьма своеобразно выразил М. Мамардашвили: «Перед пустым миром я беру на себя бремя ответственности, я подчеркиваю, *ответственности, не имеющей основания*, потому что если бы было основание в мире, то мир был бы не пустым, а мы договорились, что мир экстремальный, в пограничной ситуации. Это очень странная ответственность: она основана на *существовании того человека, который взял на себя ответственность. После*

³⁴ Казначеев В.П. Живые лучи и живое поле // Чудеса и приключения, 1996, № 4. – С. 8.

³⁵ См.: Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Физика веры. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – С. 164-165.

акта ответственности в мире могут быть предметы, например моральные или юридические нормы»³⁶ (выделено нами – Г. З., О. К.).

Ответственность в силу того, что она относится к глубинно-основательным внутренним пластам человеческой природы, человек может принять лишь *добровольно*; она, как бы сама в нем «просыпается» и требует соответствующего действия-поведения. Вменить, насадить ответственность нельзя. Но об этом, как правило, забывают те, кто пытается рассуждать по иному: дескать через *внешние моральные нормы* можно вынудить к ответственности. Но это будет уже нечто иное, но отнюдь не ответственность как начало-качество личности. За такого рода рассуждениями всегда, как правило, скрывается попытка переложить свою ответственность на другого, боязнь ответственности. Однако не об этом сейчас речь.

Для экономической науки актуализация проблемы ответственности сегодня, в условиях поиска путей выхода из кризиса, осмысления направлений и способов реализации императива выживания человечества, оборачивается необходимостью ее понимания в широком хозяйствоспасительном размышленческом поле. Именно в нем можно раскрыть и понимать те сущностные определения ответственности, которые существуют еще *до* процесса объективации и должны «задавать» коридор самому этому процессу. И в этом фундаментальном плане человек ответственен за добро/зло своих хозяйственных поступков. Для видения-понимания этого нужны духовные очи³⁷. И если они открываются, то в своем хозяйствотворении человек пытается избегать зла.

В своем фундаментальном исследовании «Непостижимое» С. Франк в самом конце изложения обращается к проблеме *ответственности* человека *за зло* и открывает путь к пониманию и самой ответственности. Он исходит из того, что «зло никогда не «выбирается» свободно, - напротив, нас произвольно *тянет, влечет* или *гонит* к нему; поскольку зло нас «привлекает», в этом самом акте влечения ко злу мы уже теряем нашу свободу, подлинно свободно мы стремимся только к *добру*, ибо оно одно, совпадая в глубине реальности с *бытием*, образует подлинную внутреннюю основу нашего бытия»³⁸. Зло как бы находится вне человека, но это такое «вне», которое находится «внутри» человека: внешний враг здесь есть внутренний враг³⁹. Человек как бы подсознательно участвует во зле. «Сознание моего соучастия во зле – в том, чего *«не должно быть»*, – неотделимо от сознания *моей* ответственности, *моей «вины»* в этом»⁴⁰. Специфика глубинного понимания ответственности покоится в том, что «ответственность несет та *точка бытия* – одновременно бытия *моего* и *превышающего меня*, в которой я совпадаю с ним в неразделенно-неслиянном двуединстве»⁴¹, отражающем всеединство бытия, где человек является не только частью целого, но и несет в себе самом это целое.

Такое понимание весьма сложно и затруднительно потому, что «есть только *одна-единственная возможность в живой конкретности воспринять безусловно непостижимое «происхождение» зла*: эта возможность заключена в *сознании моей вины*, в самом *опыте виновности*. Вот почему истинный смысл вопроса о «происхождении» зла есть вопрос об «ответственности» за него. «Быть ответственным» за что-либо не значит быть «*причиной*» (в

³⁶ Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 261.

³⁷ На один из важнейших аспектов духовного видения-понимания ответственности указал Н.А. Бердяев: «Каждый из нас получает двухтысячелетнее христианство, и этим налагается на нас бремя мировой ответственности. На нас лежит ответственность мирового возраста христианства, а не личного нашего возраста» (Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М.: АСТ: Астрель, 2011, с. 176).

³⁸ Франк С. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. – М.: АСТ, АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 484.

³⁹ Там же. – С. 486.

⁴⁰ Там же. – С. 484.

⁴¹ Там же. – С. 486.

теоретически-онтологическом смысле слова) чего-либо. «Ответственность» есть *категория совершенно иного порядка*, чем предметно-онтологическая категория причины: ответствен «виновный», а не «причина»; «причина», напротив, будучи необходимой, всегда не ответственна»⁴². Метафизическое представление существа вины открывает возможность понимания того, что она может быть испытана лишь *во мне самом*, т.е. как лишь *моя вина*. Всякое обвинение других в этой связи есть лишь констатирование неправомерности их действий как установка рационального права и морали, не содержащая метафизического видения. Но отсюда же вытекает и метафизическое понимание *ответственности как моей за мою вину*. «*Единственно возможное постижение зла есть его преодоление и погашение через сознание вины*»⁴³. Но сознание вины есть и сознанием ответственности как глубинно-сущностное осознание того, что существует еще *до* рационального права и морали, в которых проявляется-отражается уже объективированный мир действительности.

Ответственность, как и свобода – это исходные ноумены, такие, которые являются самодостаточными, невыводимыми ни из каких других. Более того, свобода и ответственность представляют собой стороны изначального двуединства, т.е. в их истинном понимании они предстают как «две стороны одной медали», а поэтому разрыв их в теоретическом плане закладывает весьма существенные коллизии, даже катастрофы в действительном практическом мире. Для их истинного постижения, нам представляется, необходимо *ввести в научный оборот категорию свободы-ответственности* наподобие категории пространства-времени, фиксирующей *единое неразделимое пространство-время*, которое более глубоко и на полвека раньше, чем И. Пригожин и И. Стенгерс, описал В.И. Вернадский⁴⁴. Но, если исходить из утверждения уже упоминавшегося Р. О. Ди Бартини, что «атрибуты реальности – протяженность (временная и пространственная) и мышление – несмотря на неопишемую редкость во Вселенной – должны иметь *димензиальную общность в измерениях высшего порядка*. В нашем логическом ракурсе не дан явный ответ на фундаментальный вопрос о природе вещей, о сущности бытия и *сознания*. Эта тайна Природы под двойным замком, и я думаю, что ключ к ним может быть изготовлен только тогда, когда этот ключ станет *общим для обоих замков*»⁴⁵ (выделено нами – Г. З., О. К.), то и пространство-время должны каким-то образом быть *сущностно* связаны с человеком, *личностью*. «Время-пространство все еще носит бессубъектный, обезличенный, наиндивидуальный характер, представляется внешней для людей и отчужденной формой, хотя и формой, принадлежащей обществу»⁴⁶. Нам представляется, что эту сущностную связь, которая приблизит человека к поиску «общего ключа для обоих замков», поможет раскрыть свобода-ответственность как глубинное сущностное (пред)начало человека, созданного «по образу и подобию».

В определенной мере к пониманию единства свободы-ответственности в русле экологии и этики почти подошел А.Н. Ермоленко, соединив в человеке *способность творить* и *универсальную ответственность*, когда в заключении к своему весьма фундаментальному исследованию написал: «...современный экологический кризис и поиски способов его преодоления свидетельствуют о том, что *не только* универсальная экспансия человека в природу делает его исключительным существом, которое способно творить по

⁴² Там же. – С. 491-492.

⁴³ Там же. – С. 494.

⁴⁴ См.: Симаков К. К генеалогии реляционно-генетической концепции времени // Свободная мысль-XXI, 2003, № 4. – С. 108.

⁴⁵ Там же. – С. 202.

⁴⁶ Кемеров В.Е. Общество, социальность, полисубъектность. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2012. – С. 164.

меркам любого вида (Маркс), но и *универсальная ответственность* за все сущее – вот что прежде всего делает человека исключительным во Вселенной»⁴⁷.

Для постижения проблемы свободы-ответственности необходимы метафизические размышления, ибо в своем *неразделимом единстве свобода-ответственность* покоится в глубинно-сущностной природе *личности*, всецело принадлежат сфере *духа*. Открывается, что именно из этого единства свободы-ответственности исходят все глубинные ценностные установки личности, которые (должны) объективируются в ее хозяйственной жизнедеятельности. Разрыв свободы-ответственности порождает все суетные проблемы. Потеря ответственности – это утрата человеком способности к истинному использованию свободы. Свобода в отрыве от ответственности превращается во вседозволенность, рождает внутренне разорванного, раздвоенного человека, который не может жить полноценной жизнью. Личность его, как внутреннее глубинное ценностное единство, разрушается. И никакой внешний закон не может справедливо отрегулировать межчеловеческие отношения.

Понимание свободы-ответственности связано с тем глубинным изначально-первичным форматом осмысления существования «я» *до того*, когда оно еще не раздваивается, не проявляется во внешнем объективированном мире. Это именно тот формат постижения «я», который достаточно подробно и аргументировано для обыденного сознания, сознания этого – объективированного, внешнего для «я» и личности мира описал Н.А. Бердяев, когда исследовал проблему одиночества. Он писал: «Я» характеризуется антиномически *изменением неизменного*. Изменение «я» во времени, актуализация «я» предполагает *субъект изменения*, предполагает, что тот, кто меняется, *остается, пребывает*. «Я» постоянно двойится, оно меняет свои личины, но оно *остается единым и единственным*... Можно сказать, что «я» есть *единство* во всех изменениях, *вневременный центр*, не определяющийся извне. Изменения «я» могут определяться извне, но *самое «я» не может определяться извне*, не из «я», оно определяется *изнутри* и активно реагирует на всякое действие извне. Оно и есть *то, что определяется изнутри*»⁴⁸ (выделено нами – Г. З., О. К.). Этот внутренний вневременной центр, исходное единство-единственность изнутри, «я» как глубинная неизменность, то «я», которое «имеет свое существование, лишь поскольку оно не объективируется и не социализируется в мире»⁴⁹, содержит *в себе* эту внутреннюю свободу-ответственность, которая еще до «всех изменений» «конституирует» личностно-человечное качество «я».

Здесь важно указать, во-первых, на понимание «я» как *изменение неизменного*, что делает его *субъектом* изменения, а субъект определяется, «статусируется» *свободой*. Единое-единственное как сущностно внутреннее *остается, пребывает* как основание, но в статусе субъекта оно свободно изменяется, разворачивается потому, что *внутри себя* имеет *свободный потенциал*. Но, во-вторых, важно при этом понимать, что это «остается, пребывает» есть первый, изначально-исходный *внутренний акт ответственности*, в котором единое-единственное как бы *отвечает перед собой* за свое предвечное *пребывание в «я»*. Получается, что это единое-единственное «я» в себе включает и свободу, и ответственность, которые имеют, так сказать, рефлексивную природу, отсвечиваясь одно в другом, но отсвечиваются так, что это по сути единое-единственное, которое и есть предисходной *свободой-ответственностью*. И эта свобода-ответственность не имеет оснований, т. е. является предоснованной. В ней необходимо находить основания постижения мироздания, ибо она изначально «определяет» саму среду, в которой разворачивается вся полнота опыта личности, т. е. она предстает в форме исходной основополагающей интуиции для самопостижения и самореализации личности.

⁴⁷ Єрмоленко А.М. Соціальна етика та екологія. Гідність людини – шанування природи. Монографія. – К.: Лібра, 2010. – С. 398.

⁴⁸ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. – С. 216-217.

⁴⁹ Там же. – С. 218.

И эта свобода-ответственность в таком понимании «я» (глубинно-сущностная предопределенность личности) предстает именно исходной точкой пространства-времени, которая разворачивается в физическом мире прежде всего через физические константы антропного принципа, а затем и в пространственно-временной материально-вещный мир. Но в то же время эта исходная точка разворачивается и по личностно-человечной, духовной «оси», представляя процесс разворачивания свободы-ответственности как сознательного творчества. По сути, здесь говорится о разворачивании единой предсущности, но в разных объективированно воспринимаемых мирах: физическом и духовном.

Само же название – *физические константы антропного принципа* – при такой глубинной расшифровке показывает, что в науке, которая изначально отгородилась от исследований духовного мира, акцент делался именно на *физических константах*, но все же *антропного (жизнечеловечного) принципа*. В названии, как теперь можно утверждать, на первом главном плане все же находится *антропный принцип*, а на втором – *обеспечивающем* плане – *физические константы*.

Эти рассуждения-расшифровки еще раз доказывают, что физические константы антропного принципа обеспечивают разворачивание духовно-нравственной константы этого принципа, которая исходно предположена в свободе-ответственности как вневременном центре человеческой-человечной личности.

В этой исходно-изначальной свободе-ответственности личность предстает перед пустым миром, но через нее же берет ответственность за «сотворение» мира, свободно-ответственно распаковывая в нем те смыслы, которые как тайна находятся в вероятностном смысловом континууме. И в этом статусе-процессе преодоления жесткой личностной капсулизации, который именно и предстает разворачиванием свободы-ответственности постижения житнетворческих смыслов, *личность* можно понимать как *смысл смыслов*, как постоянную устремленность к тайне. А «сила соприкосновения с тайной в том, что она несет в себе моральное начало. И где еще можно найти основу для морали?»⁵⁰.

Указывая на принадлежность свободы-ответственности сфере духа, принципиально важно подчеркнуть, что специфика духа определяется тем, что «дух может быть организатором, он может владеть техникой для своих духовных целей, но он будет сопротивляться превращению его в орудие организаторского технического процесса»⁵¹. Свобода-ответственность проявляется-реализуется в хозяйстве и целостной деятельности человека, познание которых возможно только в формате метафизических и ценностно-рациональных размышлений. При этом специфика свободы-ответственности сводится к тому, что она автоматически не воспроизводится в каждой отдельной ситуации или отдельном действии, поступке личности. Каждый раз свобода-ответственность «созидается» *заново* и требует напряженных личностных усилий.

Рационально-прагматическое мировоззрение и мышление, которое в нынешней ситуации представлено в империализме экономизма и его современных огламуренных формах, *игнорирует* и всячески замалчивает-затушевывает изначальную взаимосвязь свободы и ответственности, свободы-ответственности, так сказать, праобраз их исходного единства, синкретичности, которая «присутствует» в сущностных основаниях-характеристиках и поступках личности. Отсюда и следует весьма распространенное поверхностно-схематичное понимание *свободы* как *своеволия* и *вседозволенности*, полностью оторванных от ответственности. Такой *извращенной* «свободой» так умело в своих корыстных целях сегодня пользуется кастроэлита, не понимающая, что своей вседозволенностью/безответственностью возвращает действительно *катастрофичное будущее*, прежде всего, *для своих детей и внуков*. Сиюминутная ориентация на успех и

⁵⁰ Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Академический Проект; Парадигма, 2011. – С. 330.

⁵¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С. 660.

персональный комфорт уже обернулась широкой *моральной деградацией общества*. «При существующих сейчас в стране масштабах неравенства имеем не только нужду во многих семьях, но и подавленность духа, неверие в будущее, разочарование, апатию, настроения содержания, тревогу и депрессию»⁵², а «ненормальное, девиантное поведение превратилось в повседневную норму у огромной массы людей. Базовым, к сожалению, для украинского общества становится человек без мировоззрения и морали, «человек без свойств»⁵³, без своих человеческих корней как «непроявляемой» в нынешней повседневной кризисной действительности синкретичности своей духовной ипостаси.

В действительном хозяйстве как мире объективации существует изначальная проблема-противоречие между внутренним миром человека и внешним миром, в котором он творит хозяйство. Распаковывая ценностно-смысловой универсум, личность не просто стремится к постижению мира, Вселенной, но и пытается открывшиеся смыслы использовать для своего благоденствия. При этом важно понимать, так сказать, *трехуровневую картографию хозяйства*, Первый уровень связан с внутренним духовно-смысловым миром личности, который проявляется в напряженном смыслопоиском и сознанием созиданием идеальных образцов и проектов будущего хозяйства. Второй уровень представлен самим моментом (процессом) перехода из внутреннего мира личности в вещественно-пространственный мир действительности, состояние которого накладывает существенный отпечаток на сознанием выработанные образцы и проекты, они как бы «притираются» в сознании личности к действительности и в определенной мере изменяются, хотя и остаются идеалом для достижения. Третий уровень знаменует процесс реализации данного идеала в самой хозяйственно-преобразующей деятельности, что в собственном смысле и означает процесс объективации.

Все это возможно благодаря единой духовно-био-социальной природе человека, которая реализуется целостно, но в разные исторические периоды в ней актуализируются различные ее составляющие. Современный этап характеризуется пока еще преимущественным, но *уже инерционным* значением *социальной* составляющей, которая находится, как говорится, на сносях, рождая актуальность *духовной* составляющей. Переход к актуализации социальной составляющей был обусловлен индустриальной технизацией жизни человека. В процессе объективации сознательных проектов будущего рождалась *техника* как совершенно *новое*, до того еще не бывшее *основание* хозяйственной жизнедеятельности человека. Оно, по сути, знаменовало кардинальный сдвиг процессирующего перехода от природной, *органической* жизни к жизни отехнизированной, *организованной*, когда ее действительным основанием становилась организация. Объективация в своей сущностно-проявленной характеристике именно и предопределялась организацией. Вследствие этого осуществился кардинальный переход *от организма к организации*. Суть этого перехода выразил Н. А. Бердяев: «Техника означает переход всего человеческого существования от организма к организации. Человек не живет более в органическом строе... Организм рождается, а не творится человеком, он есть порождение природной, космической жизни, в нем *целое не слагается с частей, а предшествует частям* и определяет их жизнь... Техника радикально меняет отношение человека к пространству и времени. Она враждебна всякой органической воплощенности... Техника убивает все органическое в жизни и ставит под знак организации все человеческое существование»⁵⁴ (выделено нами – Г. З., О. К.).

⁵² Колот А.М. Соціально-трудова сфера: стан відносин, нові виклики, тенденції розвитку : монографія. – К.: КНЕУ, 2010. – С. 203.

⁵³ Шульга М.О. Дрейф на узбіччя. Двадцять років суспільних змін в Україні. – К.: ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2011. Мова рос. – С. 444.

⁵⁴ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С. 658-659.

Но этот кардинальный переход в глубинном плане пока еще полностью и всесторонне не осмыслен, хотя вектор такого осмысления был дан Н.А. Бердяевым. Он указал, что переход от организма к организации является одним из *источников* современного кризиса мира. В нем столкнулись, с одной стороны, технизация, механизация, материализация жизни, посредством чего человек ввергается в «новую холодно-металлическую среду, в которой нет уже животной теплоты, нет горячей крови»; с другой стороны - душевность, ибо «власть техники несет с собой ослабление душевности в человеческой жизни, душевного тепла, уюта, лирики, печали, всегда связанной с душой, а не с духом»⁵⁵. Но разрешение данного кризиса Н. А. Бердяев связал с духом: «дух может противиться этому процессу, может овладеть им, может вступить в новую эпоху победителем. Это и есть основная проблема»⁵⁶. Организация, связанная с техникой, рационализирует жизнь, но человек в силу своей внутренней единой духовно-био-социальной природы не может свести жизнедеятельность лишь к рациональному, ибо в этой природе, прежде всего в духовной ипостаси заложена иррациональность, внутренняя тайна личности. Эта тайна приоткрывается посредством вхождения личности в ценностно-смысловой универсум, в котором «предметная сфера человеческой деятельности» через социальную деятельность, ориентированную одновременно и на материальное тело цивилизации, и на «духовное эхо» Вселенной, призвана давать «*ноосферный ответ на космический запрос разума*»⁵⁷.

В ценностно-смысловом универсуме из метафизического понимания *моей вины* и *моей ответственности* вытекают проблемы *социальной справедливости* и делания *добра*. Конечно, это проблемы требуют широкого нового осмысления в поле ценностной рациональности. Мы здесь укажем лишь на некоторые весьма важные в методологическом плане моменты.

Анализируя современную ситуацию в украинском государстве невольно вспоминаются слова *пророков*⁵⁸, высказанные ими в период с VIII по VI в. до Р. Х., когда Израиль жил еще самостоятельной политической и экономической жизнью. Пророк Амос обличал не только отклонения от религиозной истины, но и прямое попрание социальной справедливости: «Так говорит Господь: за три преступления Израиля и за четыре не пощажу его, потому что продают правого за золото и бедного за пару сандалий... О вы, которые суд превращаете в отраву и правду повергаете на землю... Итак, за то, что вы попираете бедного и берете от него подарки хлебом, вы построите дома из тесовых камней, но жить в них не будете... разведете виноградники, но сами от них пить не будете... Ибо я знаю, как многочисленны преступления ваши и как тяжки грехи ваши: вы – враги правого, берете взятки и извращаете в суде дела бедных... Возненавидьте зло, возлюбите добро и восстановите у ворот правосудие... Пусть, как вода, потечет суд и правда, как сильный поток»⁵⁹.

Пророк Исаия, обличая лицемерие, ханжество и бессердечность отношения богатых к бедным, видит источником несправедливостей прежде всего столицу: «Как сделалась

⁵⁵ Там же. – С. 659.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Крымский С. Экспликация философских смыслов. – М.: Идея-Пресс, 2006. – С. 31.

⁵⁸ «Пророки (наби – вещун) – суть люди, которые считают себя органами для возвещения божественной воли и правды... пророки являются буревестниками мировой истории, выступление пророков знаменует новую эпоху в сознании, предвещая ряд трагических событий истории. Пророк действительно имеет способность распознавать Бога в истории. Он чувствует, если в воздухе носятся катастрофы. Но он вместе с тем есть и воплощение совести народа, который чувствует и выражает все, что в народе дурно и не угодно Богу. Израильский пророк есть человек, который имеет способность временно рассматривать под углом вечности» (Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. – М.: Астрель, 2007, с. 47-48).

⁵⁹ Цит. по: Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. – М.: Астрель, 2007. – С. 49.

блудницей верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь убийцы. Серебро твое стало изгарью, вино твое испорчено водой: князья твои – законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздой, не защищают сироты и дело вдовы не доходит до них»⁶⁰.

Пророк Михей, также выступает с могучими обличениями существующих порядков, веря, что будущее принадлежит правде и в нем воцарится не только благоденствие и социальный мир, но и социальная справедливость. Он говорит: «Не стало милосердных на земле, нет праведных между людьми; все строят ковы, чтобы проливать кровь: каждый ставит брату своему сеть. Рука их обращается к тому, чтобы уметь делать зло; насильник требует подарков, судья судит за взятки, а вельможи высказывают злые хотения своей души и извращают дела. Лучший из них, как терн, а справедливый хуже колючей изгороди... О человек, сказано тебе, что добро и что требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудро ходить перед Богом твоим»⁶¹.

Непреходящее значение учения пророков состоит в том, что вопросы хозяйствования и жизненного устройства они рассматривали как вопросы *нравственности*. С.Н. Булгаков подчеркнул, что «они видят в хозяйстве не только вопросы социальной техники, но и социальной правды. Если и изменяется конкретная постановка социальных вопросов, то их нравственное содержание остается одним и тем же... эти вопросы ощущаются прежде всего как вопросы *совести*, социальной правды или неправды»⁶².

Ситуация, описанная пророками, весьма близка той, которая сегодня наблюдается в нашей стране. Но сегодня власть предрержащие не только не знают учения пророков, но и всячески способствуют тому, чтобы устранить из сферы жизнедеятельности нашего народа понятия совести и правды, все свести именно к социальной технике, средствам, обеспечивающим общественный упадок и повсеместную деградацию нравственности. Исторические уроки других народов не рассматриваются в качестве требующих осмысления и недопущения их социально отрицательных последствий. Власть предрержащим не хватает образованности понять, что деградация всех сфер общественной жизни, в том числе и экономики, лежит в области нравственности, вернее, безнравственности, которая сегодня расцвела пышным цветом.

Повсеместное господство безнравственности проистекает от современного человека. «Человек, все боле погружаясь в искусственный мир и становясь все более искусственным, создает условия для все большего неразличения Д(обра) и зла, выхода за пределы Д(обра) и зла, реализации жизни без и вне оценки Д(обра) и зла, т. е. создает условия для превращения человека в иное животное существо, в какого-то *постчеловека*. Это очень важно и очень интересно! Не победу Д(обра) над злом празднует ныне человек, а отмену – через преодоление – самой проблемы Д(обра) и зла, их последовательного различения. Доброе и злое сливаются в одно – потребность, действие, удовлетворение – и все это уже без всякого на этот счет критического мудрствования!»⁶³. Но без личной свободы-ответственности, устремленности к справедливому в социальном плане хозяйствованию, без осознания необходимости постоянного делания добра человек перестает быть не только истинным субъектом хозяйства, но и человеческим человеком, становится не способным к глубинному самопознанию, саморазвитию, самореализации, не способен к самоидентификации себя как Человека. Поэтому во имя своего спасения и продления жизнедеятельности как целостного хозяйства человек должен усиленно осознавать свои глубинные ценностно-знаниевые первоначала и стремиться их реализовывать в трехуровневой картографии хозяйства как своей постижительно-практичной целостной деятельности, покоящейся на сущностном

⁶⁰ Там же. – С. 50.

⁶¹ Там же. – С. 51.

⁶² Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. – М.: Астрель, 2007. – С. 52.

⁶³ Осипов Ю.М. Добро // Философия хозяйства, 2006, № 2. – С. 271.

единстве свободы-ответственности. Этим сегодня определяются задачи хозяйствоведческой науки и должны задаваться реформаторские практики жизнеспасения.

УДК 13; 330.34:001(042.3)

Раскрываются методологические основы исследования ценностно-знаниевых первоначал человека и хозяйства, которые должны целостно реализовываться в процессе объективизации. Трехуровневая картография хозяйства, основанная на единой духовно-био-социальной природе человека, открывает новый формат мышления, в котором ответственность, справедливость и делание добра в их метафизическом понимании должны становиться необходимыми основаниями человекоспасения. Предложена гипотеза о необходимости постижения *неразделимого единства свободы-ответственности* как онтологически синкретичном ноумене, проявляющемся в хозяйстве и деятельности человека.

Ключевые слова: человек, личностное начало, свобода-ответственность, ценностно-знаниевые первоначала, ответственность, хозяйство, синкретичность, человеческие ценности.

Розкриваються методологічні засади дослідження ціннісно-знанневих первоначал людини і господарства, які повинні цілісно реалізовуватися в процесі об'єктивації. Трирівнева картографія господарства, що заснована на єдиній духовно-біо-соціалній природі людини, відкриває новий формат мислення, в якому відповідальність, справедливість і діяння добра у їх метафізичному розумінні повинні становитися необхідними основами людиноспасіння. Запропонована гіпотеза про необхідність осягнення *нероздільної єдності свободи-відповідальності* як онтологічно синкретичного ноумена, що проявляється в господарстві та діяльності людини.

Ключові слова: людина, особистісне начало, свобода-відповідальність, ціннісно-знанневі первоначала, відповідальність, справедливість, господарство, синкретичність, людські цінності.

Methodological bases of research of values-knowledge first principles of human and its activity, which should be realized in a holistic process of objectification, is disclosed. A three-level mapping of the economy, based on the common spiritual and bio-social nature of man, opens a new format of thinking, in which responsibility, justice, and doing good in their metaphysical understanding should become necessary bases of human salvation. A hypothesis about the necessity of understanding indivisible unity of the freedom-responsibility as ontologically syncretic noumenon, which is manifested in the economy and human activities, is proposed.

Keywords: human, personal principle, freedom, responsibility, values-knowledge first principles, responsibility, economy, syncretism, human values.

Поступила в редколлегию 19.03.2013 г.

© Задорожный Г.В., Колинко О.Г., 2013